

УДК 929+821.16+94
ББК 63.39 (0) 72(3)

Н. А. Селунская
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

Интеллектуальная биография П. М. Бицилли в интерпретации М. А. Бирмана

Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953).
Жизнь и творчество. — М.: Водолей, 2018. — 444 с.

Рецензия посвящена выходу книги о представителе русского зарубежья, ученом-гуманитарии, историке и филологе с даром литератора и педагога, Петре Михайловиче Бицилли (1879–1953). Автор книги — Михаил Бирман, славист и балканист, посвятивший многие годы изучению культуры эмиграции и вкладу П. М. Бицилли в эту культуру, создает интеллектуальную биографию и дает оценку наследию Бицилли, суммируя прошлые свои работы. Чем актуальна новая публикация одного из первооткрывателей темы интеллектуальной жизни эмиграции и патриарха сообщества исследователей творчества Бицилли?

Ключевые слова: *Русское зарубежье, П. М. Бицилли, интеллектуальная биография, библиография, интеллектуальная история, история отечественной науки, русский медиевизм.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01

Исследования биографии и тем творчества историка и филолога Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) претерпели значительные изменения за несколько десятков лет. Был период, когда лишь редкие ученые обращались к исследованию этих сюжетов, и автор рецензируемого труда был одним из этих первопроходцев, одним из первых, кто решил сконцентрировать внимание именно на наследии Бицилли, посвятить все свои дальнейшие исследования именно реконструкции интеллектуальной биографии Бицилли, и потому стал первым среди равных в кругу ученых со сходными интересами. Теперь же обобщающий труд патриарха публикуется в момент, когда отмечается юбилей Бицилли (140 лет) и пройден рубеж нескольких десятилетий изучения темы научным сообществом в России и зарубежными коллегами-гуманитариями. Чем актуален и интересен этот во всех смыслах юбилейный труд?

Теперь круг исследователей достаточно широк, а разнообразие публикаций позволяет некоторым ученым говорить о целом знаковом направлении, которое даже предлагается назвать особым термином. Разнохарактерные публикации историков, филологов, архивистов, и академические работы, и попытки популяризации предлагается охарактеризовать как целое направление в изучении истории науки или единое поле исследования — «бициллиеведение». Этот термин остается спорным, однако постепенно входит в силу, как и не менее уязвимый термин: эмигрантоведение.

Так или иначе, быстро увеличивается поток работ, в которых исследуется биография или отдельные аспекты творчества Бицилли. Жизни и творчеству Бицилли посвящены не только отдельные импульсы и индивидуальные работы исследователей: многочисленные статьи и диссертации (как по культурологии, так и по филологии), но усилия коллективные: конференции и семинары и коллективные монографии.

Что же меняется при этом? Думается, говоря (в любом контексте) о необходимости исследования наследия П. М. Бицилли, сейчас уже невозможно использовать клише, которые еще совсем недавно были оправданны («нераскрытая страница истории», «обойденное вниманием по идеологическим мотивам в советское время имя представителя эмиграции»). Нет, все это совершенно не соответствует современному положению дел в области исследований истории гуманитарной науки прошлого, включая творчество тех, кто предпочел изгнание. «Предлагаемый читателю труд — первый в формате самостоятельной книги опыт сводного обзора жизни и творчества замечательного ученого-гуманитария»: эта вводная ремарка, первая фраза книги, таким образом, разумеется, относится к истории работ самого исследователя Бирмана над темой, но не к состоянию историографии вопроса (с. 7). Многочисленные и важные для науки начинания Бирмана, одного из пионеров исследования культурного наследия эмиграции, не воплощались пока еще в единую большую публикацию, в монографию.

Но в целом таких полновесных исследований уже немало, и в данном случае своеобразное «возвращение имен» произошло: имя Бицилли упоминается достаточно часто: на конференциях, в лекциях, в научных и публицистических дискурсах. Даже более того, этап творчества Бицилли за границами России (в качестве слависта и публициста) сейчас исследован лучше¹, чем скромное начало научной

¹ *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б. С. Кагановича. СПб., 2012; *Галчева Т. Н., Голубович И. В.* «Понем-

карьеры медиевиста, влюбленного в историю Италии, которое, на мой взгляд, было не менее любопытным и значимым².

Автор рецензируемой работы, Бирман, считает совершенно иначе, а именно указывает, что «убедительно раскрыт сейчас лишь вклад Бицилли в изучение истории Средневековья» (с. 13). Медиевисты, чье участие в изучении вклада Бицилли в исследование истории и историографии Средневековья было бы особенно ценным, мало занимаются первыми шагами в науке, первыми работами Бицилли. Высказанная Бирманом оценка: перевес исследований творчества Бицилли как медиевиста над изучением вопросов работы Бицилли в эмиграции (по сюжетам славяноведения и русской литературы) — не подтверждается чисто количественно, суммарным числом публикаций по тому и другому направлению. Соотношение явно обратное, даже с учетом того, что некоторые исследователи биографии Бицилли занимаются и вопросами формирования будущего ученого и литератора под влиянием университетской культуры и академического круга медиевистов дореволюционной России, и вопросами творчества Бицилли-эмигранта как литератора, публициста, ученого-славяноведа и педагога широкого профиля³.

Тем любопытнее, однако, посмотреть на сюжет глазами первооткрывателя, когда некоторые приемы и выражения как бы возвращаются с другой стороны, сделав полный круг. (Подобно тому, как это описывалось в «Даре» Набокова: слова, прозаизмы, эпитеты, «совершив полный круг жизни, получали теперь в стихах как бы неожиданную свежесть, возвращаясь с другой стороны».) Думается, в этом и есть основная роль и ценность рецензируемой работы: этот труд позволяет вернуть исследование проблемы к истоку. Облегчает задачу рецензента то, что сам автор монографии избрал такой путь повествования от начала — начиная книгу с рассказа о том, как складывался его многолетний поиск следов, отзвуков деятельности и творчества Бицилли.

ногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015; Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Siedlce, 2017 (Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV).

2 Селунская Н. А. Новое Средневековье — русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. М., 2018. № 64.

3 Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017.

Интерес к исследованию эмиграции и Бицилли как деятелю эмигрантских интеллектуальных кругов у автора рецензируемого труда появился после многолетней карьеры балканиста в научно-исследовательском Институте славяноведения и балканистики АН СССР, но стал основной темой исследования лишь тогда, когда и сам Бирман уехал из России в эмиграцию в Израиль. Дальнейшие изыскания по теме происходили в жанре, который никак не мог бы быть утвержден в качестве плана научной работы любой институтской администрацией мира: это был свободный поиск без определенной цели, который, однако, дал самые впечатляющие результаты. Добавим, что, возможно, именно благодаря этой свободе (от административных планов и отчетов) поиски и систематизация материалов оказывались удачными и открывали все новые и новые исследовательские возможности.

Были проведены исследования самого разного плана, о которых подробно упоминается в рецензируемой монографии, вышедшей как своеобразный итог многолетних трудов накануне полновесного юбилея и автора, и героя книги, Бицилли.

М. А. Бирман изучал самые различные источники, которые могли бы дать «Штрихи к портрету» его героя (а именно так и называлась одна из работ рецензируемого автора), это были и неопубликованные письма и фотографии, и научные сочинения, и тематика лекционных курсов профессора Бицилли, а также воспоминания современников.

В этот момент мы, пожалуй, подходим к одному из самых острых вопросов, которые могут вызвать совершенно несхожие оценки у специалистов. Да, М. А. Бирман концентрируется на самых субъективных источниках, которые только бывают: на воспоминаниях, при этом не на мемориях, одновременных описываемому, но на более поздних и отнюдь не спонтанных воспоминаниях респондентов. Это процесс припоминания, специально инспирированный Бирманом, согласно вопроснику, составленному исследователем и наводящему на определенные ответы.

При таком подходе проступает больше сходства с созданием литературного образа, биографии в жанре fiction, чем попыток позитивистского толка показать, как это «было на самом деле». Тем не менее, такой подход, на мой взгляд, — несомненная удача автора, которая сближает своего героя и потенциального читателя, ценителя творчества Бицилли с помощью серии почти литературных приемов (подобному тому, как это сделано в уже упоминавшемся произведении — «Даре» Набокова). В монографии обозначен не только ряд

важных поворотов судьбы и творческой жизни Бицилли, но и то, что осталось в планах и продолжало играть подспудно некую роль, что только усиливает обозначенный выше эффект литературного приема. Эта линия, «власть несбывшегося», — например, стремление и планы Бицилли защитить в Праге докторскую диссертацию, перебраться ближе к европейским центрам русской культуры и научной мысли, которые так и не исполнились, — совершенно не напрасно исследуется и подчеркивается Бирманом, она крайне важна для понимания биографии героя.

Суждения и оценки относительно места Бицилли в науке как теоретика и методолога, историка Средневековья и филолога могут быть разными, но вызывает сомнение само стремление подчеркивать неутраченную актуальность сочинений столетней давности. Вопрос о том, насколько сильным ученым, скажем, в области медиевистики, был человек, родившийся в позапрошлом веке, могут задавать себе ученые-специалисты, но совершенно другого плана вопрос о том, насколько его идеи как историка и теоретика науки сохраняют вес в современном академическом мире. На мой взгляд, в любом случае, важнее отметить, что стиль и модус построений Бицилли — всегда будут любопытны для истории науки как особые примеры переходной эпохи, эпохи кризисов, когда менялись и парадигмы научного мышления, и способы общения ученых с читателями, преподавателей с учащимися etc.

Авторская позиция М. А. Бирмана, тем не менее, интересна тем, что предусматривает детальное ознакомление с особенностями работы интеллектуала в пограничной ситуации, в новой среде, при смене поля научной и общественной деятельности, что в рецензируемой монографии и произведено весьма удачно. Приложения и дополнительные материалы, воспроизведенные в публикации, представляют собой самостоятельную ценность, подкрепляющую изложенную выше задачу. Это не просто иллюстрации к тексту или демонстрация исследовательской техники. Такая богатая подборка источниковых данных может быть с успехом использована другими исследователями: это хранящиеся в архиве М. А. Бирмана рисунки Бицилли-гимназиста, а также редкие фото разных лет, генеалогическое древо Петра Бицилли (а также и его жены Марии Полянкевич). В книге приведен перечень спецкурсов, созданных ученым за годы карьеры в Софийском университете (1924–1948), дан список периодических изданий, с которыми сотрудничал Бицилли в разных качествах, и, что особенно ценно, список псевдонимов и криптонимов самого П. М. Бицилли, а

также присутствует в приложении алфавитный указатель партнеров по переписке и адресатов Бицилли.

Далее, структура монографии раскрывает интересы автора таким образом: примерно одна седьмая часть книги посвящена детству, юности и становлению Бицилли как ученого, т. е. всем годам до эмиграции, включая и время учебы, и время начала собственной научно-педагогической карьеры. Эмигрантский период жизни ученого занимает остальной объем, авторский рассказ получает гораздо более четкий и структурированный вид, акцентируя и различные моменты профессиональной деятельности, и периоды знакомства Бицилли с видными деятелями культуры, даже отдельные поездки и перемещения героя. Более того, сам автор рецензируемого труда в поисках исторических источников и свидетелей времени повторял путь персонажа своей книги, чье творчество и биографию Бирман не просто исследовал, но как бы прочувствовал на себе повороты судьбы его героя.

Вполне понятно Бирману как исследователю недовольство Бицилли краткой, хоть и долгожданной поездкой из Софии в Париж. Да, разумеется, за две недели невозможно было организовать плодотворную работу в библиотеках и архивах, достаточную для поиска и серьезной проработки источников. За это время могли только осуществиться сами поиски, конкретизироваться задачи, найтись нужные контакты. Очень значимой в работе Бирмана над интеллектуальной биографией Бицилли предстает тема «Современных записок», периодического издания, вышедшего в Париже на русском языке, для которого писали представители самых разных кругов эмигрантского русского мира и с которым самым активным образом сотрудничал Бицилли. М. А. Васильева, чья рецензия на ту же монографию несколько опережает мою, справедливо указывает на значимость работы Бицилли с другими изданиями эмиграции⁴, однако объединяющая роль именно «Современных записок», думается, верно выделена Бирманом.

С другой стороны, внимание к теме мобильности в эмигрантской культуре, проявленное Бирманом, очень важно, ведь современные исследователи, как правило, понимают и подчеркивают значение контактов отечественных ученых с внешним миром и в дореволюцион-

⁴ *Васильева М. А.* Летопись жизни и творчества П. М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019. С. 471–474.

ный период, и после самого шага, выбора эмиграции, но не всегда отдают себе и читателям отчет в том, насколько трудной и значимой была проблема коммуникации для социума эмигрантов-интеллектуалов. Обратной дороги домой не было, привязанность к новому месту жительства и социуму была необходимой, но часто и вынужденной чертой жизни: на смену места жительства и работы банально не хватало средств, не было информации о новых возможностях и предложениях работы.

Бицилли оказался связан с балканским миром, который когда-то покинули его предки, но искал возможности реализации за пределами принявшего его университета, в других интеллектуальных сообществах. В этом смысле важнейшим центром притяжения явилась более близкая к Софии, чем Западная Европа, Прага, где происходил в собственном смысле слова ренессанс русской интеллектуальной культуры. Тема и значение Праги в интеллектуальной биографии Бицилли, которую обнаруживает Бирман, — на мой взгляд весьма важная линия исследования, хотя и кратко обозначенная в рецензируемой книге. В Праге Бицилли опубликовал в 1925 г. свою важнейшую работу, которую хотел сделать основой диссертации. Сам он побывал в Праге с 1924 по 1930 г. четырежды, в том числе на конференции и съезде русских зарубежных академических союзов, а также для выступления на защитах русскоязычных коллег-медиевистов (с. 126–128)⁵.

Последнее обстоятельство особенно важно и позволяет сделать как минимум два вывода: творческую и научную работу Бицилли нельзя совершенно строго делить на период до-эмигрантский, когда ученый формируется и выступает как медиевист, и на время эмиграции, когда Бицилли развивает штудии в области славистики и с успехом работает как литератор. Интеллектуальные круги воспринимают Бицилли в качестве медиевиста, который способен рецензировать и научную работу по истории сеньориальных институтов во Франции, и диссертацию по византистике. Далее, очевидно, что Прага (а не только Париж, куда так стремился Бицилли) была местом встречи и

⁵ Диссертацию Бицилли собирался защитить по ранее подготовленной в рукописи книге (фундаментальный труд «Очерки теории исторической науки»). Над данной книгой Бицилли, по мнению Бирмана, стал работать еще в Одессе, а завершил рукопись уже в эмиграции, в 1922 г. Процесс подготовки публикации к печати занял еще около трех лет: книга увидела свет в 1925 г.

диалога для ярких представителей русскоязычного мира; не случайно диссертацию работавшего в Харбине русского ученого оппонировали именно в Праге (Бицилли и Кизеветтер). Связь с Прагой и кругом русских пражских интеллектуалов при этом, разумеется, играла большую роль и в дальнейшей интеллектуальной биографии Бицилли, хотя точный план задуманного осуществить не удалось.

Итак, для Бирмана изучаемый исторический персонаж — прежде всего деятель эмиграции, он «в послании» на чужбине. Герой исследования Бирмана — сам пытливый исследователь и популяризатор науки, прививавший знания не только студентам, но широкому кругу читателей, которых интересовала история и литература, как бы рассказываемая от первого лица. Образ Бицилли — мыслителя и публициста-популяризатора, разумеется, и важен, и актуален сегодня.

Мобильность интеллектуалов в современном мире имеет особые причины, но некоторые процессы прошлого имеют явные аналоги в сегодняшней ситуации, в поле интеллектуальной жизни. Бицилли был и оставался посредником диалога культур, одним образом осуществляя эту задачу в России, в начале работы над темами итальянского Средневековья, другим же образом — в эмиграции, «в послании». В дореволюционной России рубежа веков процветало изучение европейской истории, в особенности изучение классической традиции и романского Средневековья, итальянского Ренессанса. Бицилли формировался как исследователь в этот плодотворный период, он, разумеется, испытал на себе, но впитал и сохранил на долгие годы влияние исследований и педагогической практики Гревса, а также и его учеников, был буквально захвачен этим круговоротом идей, мнений, вопросов изучения истории и культуры. Бицилли до конца дней демонстрировал своим жизненным примером опыт творчества, обогащенный традициями дореволюционной академической культуры, но открытый и новым поискам теоретических основ гуманитарной науки XX века.

Бицилли — многогранная личность. Педагог, профессор Софийского университета, создатель внушительных хрестоматий и фундаментальных трудов и по славяноведению и русской литературе, неизменный автор эмигрантского журнала «Современные записки», в то же время он сохранял интерес к итальянистике, в частности к раннему гуманизму и Ренессансу, столь характерный для русской культуры и образованного общества. Многие сохранили добрую память о свидетеле непростого времени, служившем традиции русской литературы и

несшем идеи русской культуры самым разным современникам (читателям русскоязычной эмигрантской прессы и периодики), в том числе своим университетским слушателям и коллегам, новым компатриотам, ради которых Бицилли освоил и новый язык, и новые способы коммуникации.

Вклад автора рецензируемой работы, сами итоги многолетних трудов, бесспорно велики и даже неопределимы. Автор-исследователь не идет по пути объективации героя, но делает все с целью стереть эмоциональную отчужденность между своим героем (а не объектом исследования) и читателями или исследователями той же темы.

Источники и литература

Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б. С. Кагановича. СПб.: Аxiоma, 2012. 426 с.

Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.

Васильева М. А. Путь интуиции // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. М.: Русский путь, 2000. С. 5–28.

Васильева М. А. Летопись жизни и творчества П. М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019. С. 471–474.

Галчева Т. Н., Голубович И. В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.

Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Т. XIV. Siedlce: Institut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im Franciszka Karpińskiego, 2017 (Opuscula Slavica Sedlcensia). 162 с.

Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. 456 с.

Селунская Н. А. Новое Средневековье — русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 179–195.

References

Bitsilli, P. M. *Ocherki teorii istoricheskoi nauki* / poslesl. i primech. B. S. Kaganovicha. Saint Petersburg: Axioma, 2012, 426 s.

Bitsilli, P. M. *Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i Zapad* / sost. F. B. Uspenskii; otv. red. M. A. Iusim. Moscow: Iazyki slavianskii kul'tur, 2006, 808 s.

Galcheva, T. N., Golubovich, I. V. «*Ponemnogu prisposobliaiush' k "nezavisishchim obstoiatel'stvam"*». P. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii. Sofia: Solntse, 2015, 320 s.

Petr Bitsilli: dialog na perekrestke kul'tur / pod red. R. Mnikha / Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Siedlce: Institut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im Franciszka Karpińskiego, 2017, 162 s.

Popova, T. N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiya. Praktika*. Odessa, 2017, 456 s.

Selunskaja N. A. “Novoe Srednevekov'e — russkaia ideia? Medievistika Bitsilli, srednevekovye obshchestvennye dvizheniia i aktualizatsiia istorii.” *Dialog so vremenem*. № 64, 2018, s. 179–195.

Vasil'eva, M. A. “Put' intuitsii.” *Bitsilli, P. M. Tragediia russkoi kul'tury*. Moscow: Russkii put', 2000, s. 5–28.

Vasil'eva, M. A. “Letopis' zhizni i tvorchestva P. M. Bitsilli.” *Ezhegodnik Doma Russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna*. Moscow, 2019, s. 471–474.

Nadezhda A. Selunskaya

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The intellectual biography of P. M. Bicilli in the interpretation of M. A. Birman

The paper deals with the new publication devoted to P. M. Bicilli (1879–1953) in the broad historical context. The author of the book is Mikhail Birman, the specialist in the field of Slavic and Balkan studies, who has created the original approach to the intellectual biography and the interpretation of the heritage of P. M. Bicilli, was a pioneer in the field of emigration culture studies. The aim of the paper is to review the new publication of the “patriarch” of this trend of historiography, which summarizes his previous performance.

Keywords: *Russian emigration, P. M. Bicilli, biography, bibliography.*